

В.П.Желиховская

Аполлоний Тианский и маги индийские

В библиотеке Британского музея хранится интересная древнегреческая рукопись первого века нашей эры. Ее приписывают Филострату. Это – дневник Дамиса, сотоварища и последователя знаменитого философа древности Аполлония Тианского, веденный им во время их сказочного путешествия в Тибет и в Индию. По этому дневнику каждый, знающий греческий язык, может проследить весь путь их из Антиохии Сирийской через Кавказ, Персию и Афганистан к Гималаям. Историк Аполлония, греческий ученый Филострат, воспользовался рукописью Дамиса и передал потомству в последовательном рассказе все занимательные, – хотя зачастую совершенно невозможные, – подробности этого волшебного путешествия и пребывания греческого мага у магов древней Индии.

Вот, в кратком извлечении, его рассказ.

Около тысячи восемьсот пятидесяти лет тому назад Аполлоний из Тианы, ученый-философ и волхв, посвященный во многие тайны природы, прослышав впервые, что на Дальнем Востоке в неприступных простым смертным вершинах Гималаев существует высшая школа магов – мудрецов и софоев¹. Со скромностью истинного любителя высших знаний он решил, что от них может еще чему-либо научиться, и тотчас вздумал предпринять этот трудный путь.

Он взял с собою двоих рабов в качестве секретаря и слуги; но в секретаре ему скоро не оказалось нужды, так как на первой же продолжительной стоянке в Ниневии он сошелся с одним юношей Дамисом, хорошо знавшим восточные языки и предложившим ему быть его переводчиком. Дамис скоро полюбил Аполлония, сделался учеником славного философа и следовал за ним повсюду, записывая его деяния, приключения и речи.

Таким образом, проследовали они в Вавилон, где прожили более года, пока Аполлонию удалось войти в милость парфянского царя Бардана и тот снабдил его необходимым пропускным листом, царской грамотой к владельцам других стран, по которым лежал путь Аполлония, проводниками, верблюдами и всем, что могло облегчить переход чрез горы, реки и пустыни.

Первою страну, которую посетили путешественники, была Мидия, отделявшаяся от Индии Кавказом, или Гривакавказскими горами (Гривакавказ – «белоголовый»)², названными так потому, что вершины их всегда покрыты снегом. Здесь их приняли с царскими почестями. Хорошим приемам и обильным угощениям много способствовал открывший шествие царский верблюд, на котором был груз с золотой посудой царя Бардана, составлявший как бы почетную рекомендацию следовавших за ним путников.

Затем путники безостановочно шли много дней и за рекой Кофен (Кабул?)³ впервые встретили слонов, перевозивших каких-то весьма веселых путешественников, снабженных точно такими же крючковатыми палками, какие существуют и у нынешних погонщиков. Вообще, в те времена, вероятно, все жители Индии были гораздо веселее, чем ныне, потому что в дневнике Дамиса то и дело описываются сцены, где народ танцует, поет или валяется в тени, упившийся пьяным соком пальм.

Статья публикуется по: *Природа и люди, 1893, №21, 22.*

В написании очерка В.П.Желиховская использовала статью Ф.Тёрстона «Посещение Аполлонием Махатм Индии» (F.W.Thurstan «The Visit of Apollonius to the Mahatmas of India») (The Theosophist, 1890, т. XI, №124, январь; №125, февраль).

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

¹ Софои (греч. σοφοί) – мудрецы.

² Гривакавказ (санскрит. Grîvākâsas) – «блестящие скалы», название Кавказа.

³ Кабул (у античных авторов Кофен, в древнеиндийских источниках Кубха) – река в Афганистане и Пакистане, самый большой правый приток реки Инд.

Далее каравану пришлось переходить через горные цепи с удивительно величественными картинами природы. В долинах цвели розы, лавры и виноград, а островерхие скалы венчали башни и храмы, описания которых заставляют предполагать, что жизнь там процветала.

Наконец путники пришли к Инду и, благодаря письмам и всяким рекомендациям, были перевезены на лодках местного сатрапа и доставлены в Таксилу⁴ – город не меньший, чем Ниневия, где сам царь оказал им гостеприимство.

Описание этого великолепного города с его дворцами, базарами, храмами, переполненными изображениями богов в драгоценных украшениях из золота, жемчуга и самоцветных камней, переносит читателя в сказочный мир. Раджа или царь города Фраотес, с которым Аполлоний имел продолжительный философский разговор, сам был челоу, то есть учеником софоев, и прекрасно был знаком с философией греков и египтян.

Интересна сцена в его дворце, когда Фраотес под звуки музыки и пения в то время, когда упитанные и слегка упившиеся гости его были заняты фокусами и танцами комедиантов, отвел в сторону Аполлония, как и сам он воздержного и вполне трезвого, и стал передавать ему историю своей жизни.

– Как добыл ты многосторонние познания не только древних арийцев, но и новейших наших ученых? – спросил его Аполлоний.

– Несчастье было мне лучшим учителем с детства, – ответил раджа. – При счастии я был бы несчастнейшим, духовно неразвитым неучем. Теперь я счастлив присущим мне равнодушием к окружающим меня земным благам, а совсем не ими самими. Этим я обязан тому, что отец мой еще в юности был лишен своих владений и принужден был бежать в горы и принять гостеприимство браманов.

Тут Фраотес сообщил гостю, что в их горах есть два братства браманов или, по-гречески, софоев: одни – несравненно менее знающие, но более известные миру по мужественному сопротивлению Александру Македонскому. Это – не столько философы, сколько ведуны-врачеватели и вместе воины, сильно препятствовавшие победоносному шествию Александра Македонского к Гангесу⁵. Другие браманы – мах-атмы, – те, к которым шел Аполлоний, – не снизили бы никогда до личной борьбы, а в случае приближения врагов навели бы на них бури, грозы и молнии. Их защитила бы сама природа, послушная их высшему разуму. Во время нашествия героя Македонского они, проникнутые к нему уважением, предпочли, не нанося ущерба войскам его, повлиять на авгуров⁶. Силой воли они сумели так изменить состояние внутренностей жертв, приносимых Александром, что жрецы отсоветовали последнему идти к их пределам.

– Вот эти-то всеильные братья-софои и приняли участие в нас, – продолжал раджа. – Они выучили отца моего многому и позже дали ему царство, женив его на дочери и наследнице короля их народа. Я, единственный сын своих родителей, тоже был воспитан в строгой школе браманов, которые преподали мне все науки и все существующие философии. Родители мои умерли, когда я был еще отроком и мой дядя овладел моим престолом, так что к двадцати годам я вышел из учения бедняком и провел раннюю молодость в лишениях. Единственной усладой моей были науки. Однажды, сидя в своей хижине, я читал вашу греческую трагедию «Гераклиды»⁷, как вошел ко мне гонец от моего родного народа с предложением возвратиться на родину отца моего и там получить обратно мой престол. Приняв сюжет читаемой мною трагедии за добрый знак⁸, я послушался призыва и вернулся царствовать в отечество своих отцов; но, право, я так мало ценю все почести и богатства, что во всякое время готов бы был с ними расстаться, если бы не чувствовал себя полезным своему народу...

Три дня Аполлоний и Дамис провели в Таксиле. Фраотес дал им свежих верблюдов, запасов, проводников и такое письмо к старшему брату мах-атм:

⁴ Таксила или Такшашила – столица древнего индийского народа гандхаров, находившаяся в Пенджабе, в трех днях пути к востоку от Инда.

⁵ Гангу (*англ.* Ganges).

⁶ Августы – древнеримские предсказатели будущего по полету и крику птиц, внутренностям жертвенных животных и людей.

⁷ Поэма древнегреческого драматурга Еврипида (480-е – 406 до н.э.).

⁸ Гераклиды – потомки легендарного Геракла. Царь дорийцев Эгимий, чувствуя приближение смерти, послал за Гиллом, сыном Геракла, и усыновил его. Гилл и его потомки стали приемниками власти Эгимия.

«От царя Фраотеса великому Иархасу и всем его премудрым мужам – привет!

Аполлоний, философ и мудрец, считает вас мудрее себя и совершил долгий путь, дабы узнать ваше учение. Отпустите его обратно, когда он познает все ваши знания. Наставления ваши потеряны не будут, ибо он владеет памятью и речью лучше, нежели какой-нибудь другой известный мне ученый. Отец Иархас, укажи ему престол, на котором восседал я, когда ты мне дал царство!.. Его спутники достойны всякой хвалы, хотя бы за то одно, что повинуются такому человеку... Желаю вам преуспевания».

Через два дня по отбытии из столицы Фраотеса Аполлоний со спутниками пришел на «Поле Трофея», где стояла триумфальная арка, воздвигнутая Александром Македонским. Вероятно, на том же месте были принесены жертвы, которыми мах-атмы отклонили войска его от своих пределов. Затем вскоре путники набрали на алтарь своим греческим божествам и на бронзовую колонну, надпись на которой гласила: «Здесь Александр положил предел своим завоеваниям». Колонна эта стояла у берегов реки, которую Дамис называет Гифазис⁹.

В долине она судоходна, пишет он, но ниже стеснена скалами и перерезана порогами, что делает ее весьма сходной с Дунаем. По берегам ее растут деревья, из которых жители добывают благовонную мазь, употребляемую при брачных церемониях. Леса и камыши здесь весьма цветущи и переполнены павлинами и дикими ослами, лбы которых украшены крепким рогом (носороги?). Из этих рогов выделяются винные кубки, которые обладают магическими свойствами. Право охоты на этих удивительных животных предоставлено лишь царям...

По этому описанию довольно трудно определить, где именно проходил Аполлоний. Иные утверждают, что Гифазис – нынешний Джелам в Кашмире, другие – что эта страна более похожа на Непал. Вообще же трудно ориентироваться спустя 2000 лет по описаниям Дамиса, очень живым, но весьма сбивчивым, тем более что в них не встречается почти ни одного географического названия, существующего ныне. Перейдя пределы Персии, он все еще продолжает находить вершины Гриваказаса, то есть Кавказа, который, по Дамису, доходит до Индийского океана, у древних греков называвшегося сплошь Красным морем. Тем не менее, на основании описаний природы, растительности, животных и отличительных черт населения можно приблизительно проследить маршрут путешественников до равнины Ганга, тогда перерезанной множеством каналов.

Плодородие богатого чернозема этой равнины, переход чрез которую потребовал 15 или 18 дней, было изумительно. Хлеба, цветы и плоды, описываемые Дамисом, вообще сходны с ныне растущими там, но поражают еще большею красотой, величиною и разнообразием. Зато описания местной фауны у Дамиса зачастую смахивают на сказки, – правда, ведь то был век не только богатырей и полубогов, но и драконов, и всяких чудовищ. В одном месте путешественники охотились за громадным змеем с огненными глазами и хребтом, пылавшим багровым пламенем; в другом – на отрогах скалистых гор – местные обезьяны помогали им обирать ягоды чрезвычайно освежительного вкуса...

Наконец, пройдя страны огненных змей, рогатых ослов и общительных обезьян, греческая экспедиция достигла подножия новых, чудно величественных гор, где они увидели маленького пастуха, пасшего стадо диких коз совершенно белого цвета. Он играл на свирели и сказал им, что эти чудно белые лани дают молоко сладкое, как нектар, за что их жители берегут и очень уважают... Он же указал им дорогу к подоблачным жилищам магов.

Четыре дня еще шли путники по хорошо возделанным горам и долинам и вот, наконец, достигли цветущего плоскогорья, посредине которого отвесно, как столб, возвышалась скала, сходная с афинским Акрополем¹⁰. Ее вершину всегда венчало облако, словно скрывая от смертных обитель мудрецов, подобных полубогам...

Здесь проводники каравана все пали ниц на землю, – заставив даже верблюдов стать на колени, – преклоняясь пред своими мудрецами, чтимыми несравненно более даже царя, который сам смиряется пред их могуществом и славой.

Никакие укрепления, ни ворота, ни затворы – не ограждали обители, но никто не мог ее достигнуть без их воли, хотя на окрестную равнину приходили многие издали поклониться

⁹ Биас – река в Индии, у древних греков называлась Гифасис.

¹⁰ Акрополем (*англ.* Acropolis).

мудрецам: это явствовало из следов многочисленных ног, копыт, даже человеческих лиц и бород, запечатлевшихся на взрытой почве.

Едва путешественники остановились, как увидели издали юношу, бежавшего к ним навстречу. Он обратился к Аполлону на чистом греческом языке, говоря, что «они» желают, чтобы он один за ним последовал.

– Воистину вижу я, что от прозорливости премудрых братьев ничто скрыться не может!.. Веди меня! – воскликнул Аполлоний.

Дальше Дамис рассказывает все виденное и слышанное его учителем со слов Аполлония; сам же он целый день оставался в деревушке у подножия скалы.

Подымаясь вслед на юношей по южному склону горы, Тианский философ заметил у ее основания глубокий колодец, со дна которого вздымались пары или газы, но такие блестящие, что солнце в них переливалось тысячами радуг. Грунт под ногами путников был темно-красный, а порой переходил в золотистый цвет... Вскоре они увидели на одной из вершин, прилегающих к скале, кратер вулкана; он кипел и бурлил постоянно, но не выбрасывал извержений за края. Аполлоний понял, что пред ним «кладезь испытания мудрости» и «кратер огненного отпущения»... Тут же возвышались две черные урны, «сосуды укрощения ветров и дождей»...

Далее мудрец увидел в зелени рощ чудные статуи богов и богинь, между которыми он признал изображения Аполлона, Минервы и Бахуса, а затем услышал пение: то невидимые поклонники света и жара, а следовательно солнца и огня, славили их денно и ночью. Когда закатывалось дневное светило, на смену ему вспыхивал никем не зажигаемый самобытный огонь и витал над землею, принимая различные формы, освещая и согревая все, дабы хвалы его божественным свойствам могли не прекращаться...

Взойдя, наконец, на вершину скалы магов, Аполлоний увидел их сидящими в высоких креслах, а их начальника Иархаса выше других на бронзовом троне. Все они были облечены в белые одежды без рукавов, все были босы и у всех из-под белых повязок ниспадали на плечи длинные волосы. Их руки, охваченные магическими кольцами, опирались на посохи, тоже одаренные чудесными свойствами.

Подойдя к мудрецам, Аполлоний приветствовал их поклоном, на что они ему отвечали тем же; затем Иархас обратился к пришельцу по-гречески, спрашивая письмо царя Фраотеса. Прочтя его, он спросил:

– Что же ты думаешь о нас?

– Мой долгий, опасный путь из Греции к вам служит лучшим ответом на этот вопрос! – отвечал философ.

– А в чем, думаешь ты, мы мудрее тебя, мудреца Тианского?

– Думаю, что ваши воззрения мудрее и божественней! – определил Аполлоний. – Но если бы я даже ошибся, то, по крайней мере, узнал бы то, что нет более ничего мне неизвестного и нечему поучаться!..

– Хорошо! – заметил индусский маг. – Чтобы ты знал, что все нам ведомо, я не стану теперь спрашивать тебя, а сам поведаю тебе все твое прошлое.

И он рассказал гостю всю жизнь его до мельчайших подробностей.

– Как достигаете вы такого всеведения? – спросил удивленный Аполлоний.

– Каждый человек чистой и умеренной жизни, а подобный тебе в особенности, может развить в себе способность ясновидения, – было ему ответом. – Для нас вся природа – открытая книга, а каждый человек – строка в ней, которую мы читаем мгновенно. Охотно мы поможем и тебе развить эту силу. Но теперь полдень. Нам пора совершать омовения и молитвы... Не хочешь ли и ты их разделить?

Быстрый и прозрачный источник служил им ванной. По омовению они увенчали себя гирляндами цветов и со священными песнопениями направились в храм.

Там произошел феномен «подъятия».

Маги окружили Иархаса и, продолжая петь гимны, напоминая греку сладкоголосые величания Эскулапа в афинских храмах, били в такт посохами о мраморные плиты храма, пока под ними, в земле, не раздавался ответный гармонический гул. Чем более гул усиливался, тем выше все они подымались над полом, витая в воздухе и продолжая пение.

По окончании молитв Иархас подозвал юношу, приведшего Аполлония, и приказал ему узнать, не нуждаются ли в чем его спутники. Юноша исчез с быстротою ласточки и вернулся так скоро, что грек усумнился в исполнении им поручения. Однако оно оказалось исполненным... Философ забыл, что в велениях мах-атм времени и пространства не существует!

Затем его попросили сесть на седалище царя Фраотеса и приступить к беседе.

– Знаете ли вы, что вы такое? – спросил он и был поражен ответом:

– Да, всеконечно. Потому-то нам ведомо и все остальное, что мы познали самих себя. Это первое, начальное познание, без которого нет доступа в наше братство.

– Что же вы о себе думаете? – было вторым вопросом.

– Думаем, что мы равны богам, так как побороли все страсти, все желания и живем не для себя...

Следующие вопросы касались души и верований. Аполлоний узнал, что маги держатся системы реинкарнации по Пифагорову учению. Это повело с его стороны к вопросу: «Помнит ли себя Иархас, подобно Пифагору, в предшествующем воплощении – воином-эллином или троянцем?..» За него греческий философ подвергся укору Иархаса в самомнении.

– Неужели греки воображают героев троянской войны высшими образцами человечества?.. Есть много несравненно высших типов в Европе, в Египте и в Индии, – сказал старший из мах-атм. – Я был в последнем существовании царем области Ганга. В то дальнейшее время равнина Ганга была населена эфиопами, моими подданными, людьми громадных размеров и силы. Я царствовал долго, старался делать добро, выстроил много городов, распределил течение нашей реки, но все же не избег ненависти некоторых эфиопов, приревновавших меня к туземному населению другого племени, к индусам. Я был убит ими, за что несчастные подверглись мщению индусов и изгнанию из пределов не только моего царства, но и из самой Индии. Они долго скитались из одной страны в другую, пока, наконец, не основались в Африке, в той части, которая и поныне называется Эфиопией...

Беседа мудрецов была прервана докладом, что местный царь хочет посетить пророков, желая о чем-то с ними посоветоваться...

– Пусть придет! – ответил Иархас.

Затем, в свою очередь, он спросил Аполлония, помнит ли он свое последнее воплощение?.. Тот пожелал отклонить вопрос на том основании, что предшествовавшая настоящему воплощению его жизнь не стоит внимания; но великий маг озадачил его замечанием, что его достоинства нисколько не роняет, что он когда-то был капитаном египетского купеческого корабля...

Тогда Аполлоний рассказал ему, что он гордится одним поступком в своей предпоследней жизни, а именно, – что он не пошел на подкуп. Морские пираты предложили ему 10 тысяч драхм, чтобы он в известный час утра провел свой нагруженный корабль мимо берега, откуда им легко было бы овладеть им; но он провел корабль ночью и тем спас груз своего доверителя и жизнь своих людей.

Иархас снисходительно улыбнулся и промолвил:

– Вы, греки, странные люди! Вы думаете, что, не делая очень дурных дел, вы уже тем самым совершаете подвиги добродетели!.. Не быть негодяем не значит еще быть хорошим человеком, а между тем так, кажется, думают европейцы?.. Не далее, как вчера, я имел разговор с египтянином, который рассказывал о римских проконсулах. Как они мечтают о заслугах своих потому только, что не берут взятки за беззакония! А бедному народу, который они заставляют воспевать свои добродетели, разве не все равно, из-за чего он страдает – по расчетам или по глупости и лени своих правителей?.. Впрочем, во многих прегрешениях ваших сановников виноваты писатели, дающие ложное направление мыслям и вкусам. Кого они прославляют? Миноса¹¹, который был тиран, а таких, как Тантал¹², великодушно подаривших бессмертие своим сотоварищам, – унижают!.. Посмотри, вот как мы понимаем и чтим наших героев!

¹¹ Минос – легендарный царь Кносса, древнего города на острове Крит, сын Зевса и Европы, жил до Троянской войны, ему приписывают введение законодательства на Крите и утверждение морского могущества острова.

¹² Тантал – в древнегреческой мифологии царь Сипила во Фригии. Сын Зевса и фригийской царицы Плуты. Как любимец богов, Тантал имел доступ к их советам и пирам. Такое высокое положение заставило его возгордиться, и за оскорбление, нанесенное богам, он был низвергнут в Аид. По одной версии предания, он разгласил тайные решения

И Иархас указал на статую Тантала. Последний был представлен с кубком в руках, из которого лилась обильная струя освежительного питья.

Вскоре раздался шум под горой: это деревенские жители встречали своего царя. Зато мудрецы оставались неподвижны, нимало не тревожась приемом его величества. Иархас даже заметил не без иронии, что Фраотес, когда навещает их, приходит скромно, без шума и кликов.

– Намерены вы чем-нибудь угостить царя? – спросил грек.

– Да, да. У нас все здесь под рукою! – отвечали ему.

И точно, все оказалось готовым. Едва появился царь, весь в золоте и драгоценностях, и они, указав ему место рядом с собой и с Аполлоном, предложили с дороги освежиться, как вдруг в залу сами собою вкатились четыре треножных стола, переполненных фруктами, сладостями, печеньями и освежительными напитками. Подносы снимались со столов и разносились невидимыми руками гостям; два бронзовых автомата появились с кубками и, поднося их к треножникам, из которых били фонтаны горячей и холодной воды и вина самые тонкие, предлагали их посетителям. Сами хозяева ни к чему не прикасались, но царь и его свита отдали должное яствам и питьям, так что первый, по заключению Аполлония, скоро окончательно упился...

К такому заключению его привели бесцеремонные отзывы царя о самом философе и Фраотесе. Иархас предложил царю выпить за здоровье Аполлония; тот, однако, принял предложение не сочувственно на том основании, что он слышал о дружбе философа с владельцем Таксилы.

– Да, – ответил Иархас, – Аполлоний друг Фраотеса и гость его и наш.

– Но какие преследует он цели? Каковы убеждения его?

– Те же, которых держится Фраотес.

– Ну, так я не очень-то высокого о них мнения, так как они препятствуют даже Фраотесу быть мужественным.

Предположив, что, во мнении короля, мужество убивается философскими взглядами, Аполлоний просил Иархаса осведомиться, какие же преимущества думает извлечь царь из того, что он не философ?

– Да хоть бы то, – скромно возразил царь, – что без философии, я убежден, что и сам не хуже иных прочих...

– Ты совершенно прав, царь! – заметил Аполлоний. – Ты не мог бы держаться такого убеждения, если бы был философом.

– А ну-ка, великий философ, – иронически спросил царь, – скажи ты нам, что ты сам о себе помышляешь?

– Что я, как человек, дотоле имею некоторые достоинства, пока руководствуюсь светлыми правилами чистой философии! – отвечал греческий ученый.

– О! – засмеялся царь. – Видно, что ты побывал у Фраотеса! Ты переполнен им!

– Это доказывает лишь то, что я извлекаю пользу из своих путешествий... Быть может, услышав Фраотеса, ты предположил бы, что он переполнен мною... Он хотел дать мне письмо к твоему величеству...

– Да?.. И почему же не дал?

– Потому что репутация твоя, царь, как человека добропорядочного такова, что я нашел это излишним.

Царь был польщен и, заглушив подозрения и зависть к Фраотесу, промолвил любезно:

– В таком случае я рад тебя видеть!

– И я равномерно! – улыбаясь, сказал мудрец, после чего, обращаясь к магам, прибавил. – Можно подумать, что мы только свиделись и здороваемся.

Зевса либо рассказывал людям мистерии богов, по другой – похитил со стола богов нектар и амброзию (легендарную пищу богов, дающую им молодость и бессмертие), чтобы дать их отведать друзьям. По Гомеру, Тантал испытывает в подземном царстве нестерпимые муки голода и жажды. Стоя по горло в воде, он не может достать воды и, видя близ себя роскошные плоды, не может овладеть ими: как только он открывает рот, чтобы зачерпнуть воды, или поднимает руки, чтобы сорвать плод, вода утекает и ветвь с плодами отклоняется. По Пиндару, он висит в воздухе, а над его головой возвышается огромная скала, ежеминутно угрожающая упасть на него и раздавить. Имя Тантал стало нарицательным, обычно выражение «танталовы муки» обозначает нестерпимые бесконечные страдания.

– Прошу тебя сказать мне, – заговорил, подумав немного, царь, – что думают обо мне твои соотечественники, греки?

– Я полагаю, что именно то же самое, что и ты изволишь мыслить о них.

– О, да я о них совсем ничего и не думаю!

– Я убежден, что вся Греция придет в восторг, когда я ей заявлю об этом факте! – серьезно заключил Аполлоний. – Ты составляешь, царь, в этом отношении единственный пример и исключение из современного человечества.

После этого Аполлоний оставил беседу с «идиотом», как обозвал он царя, – и, обратившись к Иархасу на непонятном царю греческом языке, повел с ним отдельный разговор. Его интересовало, почему мудрецы так невнимательны к брату и сыну царя, что даже не предложили им возлечь за их трапезу.

– Оба они скоро будут сами править и владычествовать. Пусть же знают тягость унижения, чтобы не подвергать ему впоследствии других, – отвечал маг.

Затем собеседники снова повели речь об отвлеченных вопросах. Царь сначала сидел молча, но, наконец, ему надоело молчание и он вмешался в разговор, заявив философу, что не любит греков за то, что они бежали от персов... Пришлось поправлять его плохие сведения в истории...

– Это все эти негодяи, путешественники-египтяне, сбили меня своими лживыми сведениями! – извинился царь. – Они уверяют, что греки – последние из народов: и трусы, и глупы, и невежественны, и будто все то малое, что у них есть хорошего, перенято из египетской цивилизации. Теперь, – прибавил он, – я буду иметь совсем другое понятие о вашем отечестве!..

Наступил уже вечер, Иархас предложил выпить напоследок «кубок любви» и, взяв у статуи Тантала чашу, приложился к ней губами, после чего передал кубок гостям и братьям. Все пили вволю чудный нектар, но, несмотря на то, он не иссякал бесконечно, пенясь со дна волшебного кубка, выдолбленного из целого алмаза.

Все отошли потом ко сну...

В полночь Аполлония пробудило торжественное песнопение. Он встал и при свете священного огня увидел, что братья славят его гимнами. Держась на воздухе вокруг пламенного столба, они воспевали славу его животворительным, ярким лучам.

По законам братства никто, кроме желавших учиться и вступить в него, не мог дольше суток пробыть в обители. Поэтому рано утром царь имел у магов аудиенцию, после которой отбыл, убедительно прося Аполлония навестить его. В это время братья вспомнили о бедном челе своего гостя и послали за ним. В своих записках Дамис восторженно относится ко всему виденному и слышанному в этом приюте избранных, и в особенности к чистой греческой речи.

В тот же день Иархас преподавал гостям суть философии индусской школы. Мир, по их понятиям, состоял не из четырех элементов, а из пяти, причем эфир признавался главнейшей составной частью. Он, по учению магов, порождал создания, земному зрению невидимые, чисто духовные, тогда как из прочих элементов зарождаются лишь земные, смертные существа. Мир, наш материальный мир, земной шар, по учению магов, – не что иное, как громадное двуполое животное, все из себя и само собою зачинающее и воспроизводящее. Весь свет они уподобляли кораблю, переполненному пассажирами, управляемому кормчими у руля, мореходами, стоящими у мачт и снастей, матросами, готовыми защищать его от пиратов, и командиром, верховно распоряжающимся всей командой... Они верили в высшее, всем правящее Божество и во множество второстепенных ангелов, из которых каждый имел свое назначение, известный район власти...

Поучения эти были прерваны прибытием больных и разных людей, имевших нужды, которым маги могли помочь. Каждый день прибывали, таким образом, к жилищу мах-атм нуждающиеся, страдавшие и одержимые злыми духами и уходили утешенные и здоровые.

Впоследствии Аполлоний был посвящен во все таинства астрологии, Дамис же не был допускаем на эти эзотерические занятия... Ему сказали, что только такие духовные, тонко развитые души, как Аполлоний, могут соприкасаться с этими заповедными сферами знаний. Он же еще далеко не был к ним готов...

В этих занятиях Аполлоний провел у магов четыре месяца. На прощание, кроме верблюдов, провожатых и всяких подарков, мах-атмы дали Тианскому философу 7 колец – по одному на каждый день недели; каждое было посвящено «планетарному духу дня», имея специальные,

дивные свойства. Все мудрецы провожали его, пророча, что еще при жизни он удостоится божеских почестей.

Возвращались Дамис и его учитель другим путем, – не чрез Персию, а океаном. Сядя на корабль, – в каком месте, по сбивчивости описания определить невозможно, – Аполлоний писал своим великим учителям: «К вам я прибыл землею, от вас уезжаю водою и мог бы, с вашей помощью, возвратиться по воздуху...»

Обратное путешествие описано в дневнике Дамиса еще подробнее, но для нас особого интереса не имеет.

Дневник Дамиса хранился в семье его около столетия, пока один из его потомков, зная страсть императрицы Юлии¹³, жены Севера¹⁴, к любопытным сказаниям древности, не преподнес его ей, а она передала его историку Филострату с приказанием издать его вместе с биографией Аполлония Тианского... Верил ли он сам правдоподобности его? Это остается на его совести!..

¹³ Юлия Домна (?–217) – супруга римского императора Септимия Севера.

¹⁴ Луций Септимий Север (146–211) – римский император (193–211).